

Шарипова А. Р. – преподаватель
кафедры профессиональной подготовки
Уфимского ЮИ МВД России (Россия,
г. Уфа)

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРОРИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ

THE IMPACT OF MIGRATION PROCESSES ON TERRORISM AND EXTREMEISM

Аннотация. Миграционные процессы оказывают значительное влияние на распространение экстремизма и терроризма, что обусловлено как социально-экономическими, так и политическими факторами. Неконтролируемая миграция создает условия для активизации этнических преступных групп, террористических и экстремистских организаций, а также способствует распространению радикальной идеологии. Статья посвящена исследованию взаимодействия миграционных процессов с распространением терроризма и экстремизма в современном мире. Актуальность работы обусловлена ростом международной миграции и одновременным усилением угроз безопасности, связанных с радикализацией отдельных групп населения.

Ключевые слова: миграционные процессы, терроризм, экстремизм, социальная интеграция, национальная безопасность, миграционная политика, безопасность, социокультурная интеграция, неконтролируемая миграция, профилактика экстремизма.

Abstract. Migration processes have a significant impact on the spread of extremism and terrorism, which is caused by both socio-economic and political factors. Uncontrolled migration creates conditions for the activation of ethnic criminal groups, terrorist and extremist organizations, and contributes to the spread of radical ideology. This article explores the relationship between migration processes and the spread of terrorism and extremism in the modern world. The relevance of this study is driven by the increasing international migration and the simultaneous rise of security threats related to the radicalization of certain population groups.

Keywords: migration processes, terrorism, extremism, social integration, national security, migration policy, security, sociocultural integration, uncontrolled migration, and prevention of extremism.

Проблематика взаимосвязи миграционных процессов и распространения экстремизма и терроризма в последние годы приобрела особую ак-

туальность в связи с масштабной трансформацией международной миграции. Усиление глобальной мобильности населения и рост международных миграционных потоков сопровождаются возникновением новых вызовов для национальной безопасности государств. Расширение масштабов миграции оказывает комплексное воздействие на социальную и криминологическую ситуацию, в том числе формируя предпосылки для возникновения межэтнической напряженности и распространения радикальных идеологических установок.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400) неконтролируемая миграция классифицируется как одна из главных стратегических угроз [5, с. 143]. Анализ статистических данных свидетельствует о неблагоприятной тенденции: за первые пять месяцев 2025 года количество преступлений, совершенных иностранными гражданами на территории Российской Федерации, увеличилось примерно на 10 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года и составило 18 873 преступления [2].

Следственный комитет Российской Федерации также фиксирует изменение структуры преступности, связанное с увеличением доли преступлений экстремистской и террористической направленности. Данные обстоятельства обуславливают необходимость усиления государственного контроля в сфере миграционных процессов и совершенствования механизмов их регулирования [2; 1, с. 104].

Экономический аспект проблемы в 2025 году характеризуется критической нагрузкой на бюджетную систему. Совокупное число легальных и нелегальных мигрантов на территории страны оценивается в 7 млн человек [1, с. 99]. Колоссальный отток капитала (только гражданами Узбекистана в 2024–2025 годах выведено более триллиона рублей) сочетается с государственными затратами на социальное обеспечение семей мигрантов, достигающими 2,5 млн рублей на одну семью в год [1, с. 99, 101].

Миграционные процессы оказывают влияние на экстремистскую и террористическую деятельность через несколько взаимосвязанных механизмов. Во-первых, это формирование социальной среды, в которой происходит циркуляция радикальных идей. Во-вторых, использование миграционных каналов для перемещения лиц, причастных к экстремизму и терроризму. В-третьих, вовлечение отдельных мигрантов в противоправную деятельность вследствие их социально-экономической уязвимости.

Так, М. П. Ситникова отмечает, что именно социальная среда оказывает значительное внимание на процессы радикализации ценностных установок личности. При отсутствии эффективных механизмов интеграции мигрантов в принимающее общество возникают предпосылки для формирования изолированных этнокультурных сообществ, в которых могут распространяться радикальные идеологии [5, с. 142].

Аналогичной точки зрения придерживается А. В. Зубач, отмечая, что именно миграционная среда может выступать одним из факторов, способствующих распространению радикальных идеологий. Основными причинами радикализации отдельных представителей мигрантского сообщества выступают социальная изоляция, трудности культурной адаптации, экономическая нестабильность и отсутствие устойчивых социальных связей. При наличии указанных условий возрастает вероятность формирования экстремистских настроений и вовлечения отдельных лиц в противоправную деятельность [4, с. 36].

А. А. Ефимов подчеркивает, что результативное противодействие экстремистской и террористической деятельности предполагает реализацию комплекса организационно-правовых мер. К их числу относятся выявление лиц, демонстрирующих признаки склонности к радикализации, проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на пресечение деятельности экстремистских объединений, а также контроль финансовых потоков, связанных с финансированием противоправной деятельности экстремистских структур [3, с. 60].

Педагогический кризис выступает долгосрочной детерминантой экстремизма. До 75 % детей с «миграционной историей» в российских школах не владеют русским языком, что ведет к деградации образовательного процесса и росту подростковых этнических банд [1, с. 102, 103]. Формирование закрытых анклавов (гетто), где мигранты живут обособленно от российского общества, создает «маленькие государства в государстве», которые становятся рассадниками радикальных идеологий [2].

Социально-экономическая маргинализация делает мигрантов уязвимыми перед предложениями иностранных спецслужб. Зафиксирована вербовочная деятельность Службы безопасности Украины (далее – СБУ), использующей мигрантов для совершения диверсий под предлогом материального вознаграждения, что подтверждается трагическими событиями в «Крокус Сити Холле» и нападениями в Дагестане [1, с. 105].

Сказанное предопределяет необходимость переосмысления содержания государственной миграционной политики, в рамках которой, в частности, контрольные меры не могут рассматриваться изолированно от инструментов социальной адаптации. Сведение противодействия экстремизму и терроризму исключительно к правоохранным мерам не обеспечивает устойчивого результата. Эффективность достигается за счет ранней диагностики процессов радикализации, снижения уровня межэтнической конфликтности и выстраивания механизмов включения мигрантов в принимающее сообщество. Реализация указанных направлений носит многоуровневый характер: помимо государственных и правоохранительных органов в нее вовлечены образовательные структуры и институты гражданского общества, формирующие социокультурную среду интеграции.

Ранее государственная политика основывалась на экономоцентричной модели регулирования миграции. Что это означает? В ее основе находилось восполнение дефицита трудовых ресурсов за счет привлечения иностранной рабочей силы, что обеспечивало поддержание функционирования отдельных сегментов экономики. Однако подобная модель оказалась ограниченной: она не учитывала в должной мере сопряженные риски в сфере общественной и государственной безопасности [6, с. 2].

Смещение приоритетов получило нормативное закрепление в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы (Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы»). Содержание документа свидетельствует о переходе к иной регуляторной логике. Отказ от прежней установки на количественное восполнение демографических потерь через масштабное привлечение мигрантов отражает изменение стратегических ориентиров [2].

Новая концептуальная модель ориентирована прежде всего на обеспечение национальных интересов государства и защиту прав граждан Российской Федерации. В документе акцентируется необходимость укрепления безопасности, а также сохранения культурно-исторических и цивилизационных основ российского общества [2].

Изменения затронули и институциональный уровень управления. Передача ключевых полномочий в сферу компетенции Совета Безопасности Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации указывает на включение миграционных процессов в контур национальной безопасности, что ранее не имело столь четкого организационного выражения.

Текущая правоприменительная практика демонстрирует усиление ответственности за нарушение миграционных режимов. Федеральным законом от 9 ноября 2024 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» ужесточены санкции за организацию незаконной миграции и фиктивную регистрацию.

Наряду с этим сохраняется проблема нормативной раздробленности. Нормы, регулирующие контроль за пребыванием иностранных граждан, содержатся в различных нормативных правовых актах. В частности, они закреплены в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», а также в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Отсутствие единой системной конструкции приводит к коллизиям и снижает эффективность реализации правоприменительных механизмов.

В сложившихся условиях требуется переход к иной модели правового регулирования. Первостепенное значение имеет кодификация миграционного законодательства. Принятие Миграционного кодекса Российской Федерации позволит не только унифицировать терминологический аппарат, но и устранить существующие пробелы и коллизии, обеспечив внутреннюю согласованность правовой системы.

Также необходимо рассмотреть вопрос дальнейшего ужесточения административных режимов регулирования миграции: в частности, реализация положений Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ограничивающего срок безвизового пребывания иностранцев 90 сутками в течение календарного года, может быть дополнена введением визового режима с государствами, являющимися основными источниками неконтролируемой миграции.

Важное значение также имеет внедрение цифровых механизмов миграционного контроля путем создания единой информационной системы учета и профилирования мигрантов, предусматривающей обязательную биометрическую регистрацию. В целом это позволит обеспечить эффективное отслеживание перемещения иностранных граждан.

Итак, анализ законодательной и правоприменительной практики показывает отсутствие непосредственной зависимости между миграционными потоками и распространением экстремистских либо террористических проявлений. Прямая причинно-следственная связь в данном случае не прослеживается. Но в условиях недостаточной институциональной проработанности механизмов контроля, она способна трансформироваться в фактор, усиливающий уязвимость социальной среды к радикальным идеологическим влияниям.

Библиографический список

1. Богданов А. В., Ильинский И. И., Кудин О. В. Влияние миграционной ситуации в России на экстремизм и терроризм // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 97–108.
2. Бытко С. Ю., Пугачев Ю. Е. Концепция миграционной политики 2026–2030 : характеристика и сравнительный анализ с концепцией 2019–2025 // Научный журнал. 2025. № 4 (75).
3. Ефимов А. А. Административно-правовые механизмы противодействия экстремизму и терроризму в России // Российский следователь. 2022. № 8. С. 60–64.
4. Зубач А. В., Дорошенко О. М., Кравцов Д. Ю. Административно-правовые средства противодействия экстремизму в сфере миграции // Миграционное право. 2021. № 1. С. 36–38.

5. Ситникова М. П. Миграция как фактор распространения экстремизма в России : проблемы и пути решения // Актуальные проблемы российского права. 2026. № 1. С. 142–151.

6. Хабибулин А. Г., Мурсалимов К. Р. Современные тенденции государственной политики в сфере миграции: правообразующий аспект // Миграционное право. 2025. № 2. С. 2–5.

© Шарипова А. Р., 2026

УДК 316

Янбухтин Р. М. – доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат социологических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА

PREVENTION AND CARE OF EXTREMISM

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы предупреждения и профилактики экстремизма среди различных категорий населения, включая молодежь. С позиции системного подхода рассматриваются вопросы разработки модели профилактики экстремизма среди молодого поколения с учетом тенденций развития российского законодательства. Поднимается также вопрос о развитии системы профилактики экстремизма, ориентированной на предупреждение проявлений радикальных и деструктивных идей, проведение профилактических мероприятия среди различных возрастных групп молодежи, уделяя пристальное внимание несовершеннолетним, учащимся школ, студентам, а также лицам, подверженным воздействию идеологии экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм, идеология экстремизма, противодействие, профилактика, молодежь, личность, традиционные духовно-нравственные ценности.

Abstract. The article discusses the issues of preventing and combating extremism among various categories of the population, including young people. From the perspective of a systematic approach, the article examines the development of a model for preventing extremism among the younger generation, taking into account the trends in the development of Russian legislation. The article also raises the issue of developing a system for preventing extremism that